

Все мы — частицы
бесконечного
огромного целого,
которое не надо
анализировать

Журнал «Киносценарии»

«Для меня
было бы лучше,
если бы
я был
неизвестен»

бесконечного, огромного целого, которое не надо анализировать, его не дано понять, невозможно потрогать. Его иногда можно только ощутить.

Эпилог

— Что бы вам хотелось, чтобы люди говорили о Бергмане через двадцать или через тридцать лет? Или что сказал бы сам Бергман?

— Это то, о чем я никогда не задумывался. Я на сто процентов убежден, что выпускаю потребительский товар и в театре, и в кино. Переживут мои работы меня или нет или что скажут люди — мне это совершенно безразлично. Поверьте, я говорю откровенно.

— Не забывайте, ваше имя уже стало нарицательным. Например, в романе писателя Видьяхара герой говорит: «Это чисто бергмановский пейзаж». Вы вошли в культурный обиход.

НАДО ПРИВЛЕКАТЬ РАБОТУ

Он живет в полном одиночестве и пишет

многих утомительно-педантичен.

Демоны

— Удивительный контраст. С одной стороны, на всех фотографиях, где вы сняты за работой, у вас, судя по всему, хорошее настроение. И вместе с тем вы часто говорите о «демонах».

— Я считаю, это входит в обязанности режиссера: быть на работе в хорошем настроении, создавать приятную обстановку, в которой люди делают кино. И в моем кабинете это тоже должно присутствовать.

Когда я был молод, я этого не понимал. И тащил за собой на площадку свою личную жизнь, свое похмелье, свои романы, свои провалы, свои глупости. Бушевал, как не знаю кто. И тем самым создавал очень неприятные тягостные ситуации. Но в то же время существуют так называемые педагогические вспышки. Иногда их приходилось использовать. Совершенно умышленные приступы гнева, тщательно продуманные точечные бомбовые удары бывают нужны. Обстановка на съемочной площадке или на сцене не должна быть совсем уж домашней. В какой-то момент мы должны это почувствовать.

А люди, с которыми тебе приходится работать, как правило, невероятно честные, любящие и невероятно обидчивые. И хотя мы играем в игру, дурачимся, шутим, рассказываем

смешные истории, все равно они знают, что это борьба не на жизнь, а на смерть.

Важно поддерживать определенный темп. Например, когда начинаешь работать в павильоне в девять утра, нужно, чтобы работа началась в девять утра. В десять первая сцена должна быть отснята. Нельзя начинать день с бесконечных обсуждений. Для меня разговоры — это вообще ужасная вещь. В разговоре участвуют двое или трое, а остальные стоят вокруг и зря теряют силы. Все дискуссии должны проходить не во время репетиции.

— Как вам удалось провести демаркационную линию между тем, что вы сами называете «демонами», и работой в кино или театре?

— Демонов необходимо каким-то образом запрячь в общую упряжку, пусть они тоже участвуют в работе. Потому что меня, например, одолевает демон подозрительности. Я ужасно подозрительный человек.

— Вы, наверное, ипохондрик?

— Только не будем перечислять моих демонов. Они должны стоять, как на параде, по стойке смирно. Чтобы я мог показать актерам, что такое подозрительность, что такое ипохондрия. Как они выглядят в жестах, интонациях, движениях. Разумеется, демоны должны участвовать в работе! Было бы невероятно рисковать не брать их с собой. Но их нужно держать в узде.

Понимаете, площадка или театр — это та вселенная, где я всевластен. И там даже демоны подконтрольны. Но, как только гаснет свет и камера останавливается или я выхожу из театра, я уже больше не управляю своими демонами. Эта непредсказуемая вселенная, которой я пытаюсь и всегда пытаюсь управлять, не поддается моим усилиям.

Жить с утратой

В ноябре 1971 года Ингмар Бергман женился на Ингрид фон Россен. Они прожили вместе 24 года, вплоть до ее смерти в 1995 году.

— Не только в ваших фильмах, но и в вашей жизни необычайно много болезней и смертей.

— Я был уверен, что с болезнью Ингрид придет конец моей творческой деятельности. Пока Ингрид была жива, она очень хотела, чтобы я не бросал работу. Поэтому я поставил два спектакля. После ее ухода я вообще не мог работать. Я совершенно потерял способность писать. Я часами сидел за письменным столом и мог не написать ни строчки.

— Но вы в это время ставили спектакли?

— Это совершенно другое дело. Десять актеров просят: сделай же что-нибудь с нами. И это заставляло меня работать. Это очень помогло смягчить боль той огромной

утраты. Но писать я в то время совершенно не мог.

— Теперь желание писать к вам вернулось?

— Спустя три года приехал на Форё и сел за письменный стол. Я открыл первую рабочую тетрадь и решил, что каждый день буду писать. Прошло ужасно много времени, пока я писал сначала по пять, потом по восемь, по десять страниц в день. Это были литературные и языковые упражнения. Это был алский труд, потому что все заржавело, окаменело, то есть я был в очень плохой форме.

— Каково это — жить с утратой?

— Это было похоже... что я стал инвалидом. Мы прожили вместе двадцать четыре года. Мы были очень близки. У нас был очень счастливый союз. И я не могу назвать свое состояние иначе как состоянием инвалида. Потеряв ногу или руку, ты продолжаешь испытывать постоянную боль. Но я нашел способ, который позволяет мне как-то жить.

— Что это за способ?

— Жить строго расписанной жизнью по тщательно составленному плану. Чтобы каждый час был чем-то занят.

— Вы давно так живете?

— Сейчас в большей степени, чем раньше, чтобы не развалиться на части.

— И в этом причина того, что вы не хотите встречаться с людьми? Вы стали совсем отшельником.

— Да, в очень большой степени.

— Вы избегаете новых знакомств?

— Мне трудно общаться с новыми людьми. Я с удовольствием говорю по телефону. Я считаю телефон замечательной вещью. Этот аппарат дает возможность получить радость от общения с добрыми друзьями. Но сейчас я провожу время в одиночестве. В полном. И это мне нравится. Так мне легче переносить мое положение.

— Вы как-то сказали, что самое отвратительное в смерти то, что неизвестно, что будет потом.

— Совершенно верно. Когда я был молодым, меня преследовал страх смерти, я ужасно боялся ее. Только когда я снял «Седьмую печать», я в какой-то степени справился с этим страхом, потому что говорил о нем. Как-то раз мне делали операцию, несложную, но дали слишком сильный наркоз. Врачи делали что могли, чтобы вернуть меня к жизни. Я был без сознания восемь часов. Меня с трудом вернули к жизни. Самое интересное, что для меня эти восемь часов не были даже ни часом, ни минутой, ни секундой. Я был полностью выключен. Я чувствовал удивительное успокоение — вот она такая, смерть. Ты становишься экзистенцией, тебя больше не существует, ты — как свеча, которую задули. Это вселило в меня поразительное чувство успокоения. Перед лицом полного мрака.

Смерть Ингрид... Мне невероятно трудно представить себе, что я никогда больше ее не увижу. Это невыносимая мысль. И эти две мысли о смерти пришли в неразрешимый конфликт. Я пробовал об этом писать. Но пока не могу, должно пройти время.

Кроме того, я часто ощущаю присутствие Ингрид в комнате. Или каким-то обра-

зом я ощущаю, что она совсем рядом. Может быть, это только прояснение моих переживаний. На самом деле это не важно. Когда много времени проводишь в одиночестве, начинаешь разговаривать сам с собой. Но я разговариваю с Ингрид, и мне кажется, она мне отвечает. Она дает полезные советы, высказывает мнения о том, что я делаю или не делаю.

— Вам не тяжело вести диалог с невидимым собеседником?

— Нет. Это дает мне большое утешение и смягчает боль. Поэтому я стал стариком с острова Форё.

— Но на острове Форё вы не можете работать в театре.

— Нет, но теперь мне это уже не так нужно. На Форё замечательная природа, и я ощущаю поразительную близость к этой природе. В Стокгольме я не чувствую себя дома, только на Форё. Там я больше ощущаю присутствие Ингрид.

— Вы сняли много фильмов, в которых так или иначе затрагиваются проблемы религии. Прежде всего это «Причастие» и «Седьмая печать». Вы сами обратились к религии?

— Нет, меня нельзя назвать религиозным.

— Совсем?

— Никогда. В то же время у меня есть много мыслей об иных реальностях, которые меня окружают. И еще: у меня бывает ощущение, что все мы — частицы

— Все это как будто не обо мне. Словно не имеет ко мне отношения. Сейчас я начинаю репетировать пьесу, приступаю к новой постановке. Начинаю во вторник. И меня переполняет жуткий страх. Перед началом работы я не сплю. И бесполезно напоминаю себе, что я уже следил и то, и это. И что у меня уже получалось. Что я пользуюсь всемирной известностью, обо мне много пишут. Что люди относятся ко мне с невероятной теплотой.

Все это не помогает. Потому что я иду на эту репетицию и думаю только об одном: пусть репетиция пройдет удачно, пусть будет наполнена смыслом, пусть получится что-то живое. Это, я считаю, благо. И когда я работаю в павильоне, как на съемках телефильмов, или ставлю телеспектакль, единственное, что имеет какое-то значение в моей работе, — это то, чтобы она была наполнена смыслом для тех, кто в ней занят. А еще — чтобы она была живая. Чтобы она жила собственной жизнью.

Единственное, чего я боюсь, — Бог знает, как я этого боюсь, — это утратить способность создавать что-то живое, трогающее людей.

● Ерн ДОННАР,
журнал
«Киносценарии»,
«Новая газета»

КИНО
ЛИТЕРАТУРНО-ДОЖИВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

В год своего 30-летия журнал «Киносценарии» — уникальное издание, которому нет аналогов ни в России, ни за рубежом, — объявляет дополнительную редакционную подписку на 2003 год для всех тех, кто любит, знает, интересуется кино. На страницах журнала вы прочтете самые лучшие сценарии отечественных и зарубежных кинодраматургов, эксклюзивные интервью, мемуары выдающихся людей XX века.

Стоимость годовой подписки (6 номеров в год) — 1100 рублей (36 у.е.).
Справки по телефонам: 299-11-78, 299-47-74.